
Леса Ран
СВЁКОР И ЕГО ДРУЗЬЯ
Я отработаю
долг...
18+

Леса Ран

Свёкор и его друзья. Я отработаю долг...

https://litres.ru/74794858
SelfPub; 2026

Аннотация

Маме срочно нужна операция, а у меня нет денег — только отчаяние и свёкор, который может заплатить за её жизнь.

Роман даёт мне пять миллионов, но взамен требует невозможное: три месяца в его доме, в его власти, с ним и его друзьями.

Я должна ненавидеть их за это, должна бояться, должна мечтать сбежать.

Но чем глубже я падаю в этот запретный долг, тем страшнее понимаю: и я понимаю, меня не просто используют — меня видят, хотят и заставляют снова чувствовать себя желанной женщиной.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Леса Ран
Свёкор и его друзья.
Я отработаю долг...

Глава 1

Ручка двери обжигает холодом. Я сжимаю её слишком сильно, и металл врезается в ладонь — эта боль единственное, что удерживает меня на месте. Ещё секунда, и я развернусь. Убегу. Скажу маме, что не смогла. Но мама умрёт. Я разжимаю пальцы и толкаю дверь.

Кабинет Романа огромный, тёмный, пропитанный запахом дорогой кожи и табака. Он сидит за столом и не поднимает головы. Его пальцы перебирают бумаги, золотая запонка вспыхивает под лампой резко, как лезвие. Мой свёкор. Человек, которого я боюсь до дрожи, до спазма в горле. Не за крик — он никогда не кричит. Его оружие — тишина. Холодная, презрительная тишина, в которой ты сам себя чувствуешь ничтожеством.

— Сумма, — говорю я, и голос срывается на полуслове.

— Пять миллионов.

Он поднимает глаза. Тёмные, непроницаемые. Кивает на стул. Я сажусь, прижимаю сумку к коленям, и сердце колотится где-то в горле, мешая дышать.

— Моя невестка, — тянет он, смакуя каждое слово. — Пришла просить деньги.

— В долг. Я всё верну.

Роман усмехается — медленно, жестоко, одними уголками губ.

— Чем? Твоя зарплата — сорок тысяч. У Кости одни долги. Ипотека. Квартира в залоге. У тебя нет ничего, Света.

Каждое слово — удар, и я молчу, потому что он прав. Беспощадно прав. Он встаёт, обходит стол, замирает за моей спиной. Не касается, но я чувствую его каждой клеткой — властного, подавляющего. Воздух сгущается, становится трудно дышать.

— Я дам деньги, — говорит он тихо, почти в ухо. — Завтра. Лучшая клиника. Операцию сделают. Твоя мать будет жить.

Сердце замирает. Я жду продолжения и боюсь его одновременно.

— Но долг ты вернёшь собой. Своим телом. За три месяца. Будешь делать то, что я скажу. С теми, с кем я скажу.

Я разворачиваюсь резко, и он стоит в полуметре — прямой, пристальный взгляд, который раздевает до костей. И в этом взгляде я вижу что-то странное. Не только хищное. Что-то похожее на... знание. Будто он уже знает, что я соглашусь. Будто он знает, что Костя меня не любит. Будто он видел, как я гасну, и ждал момента, когда я приду. От этой мысли становится страшно. И холодно. Потому что если он видит меня насквозь — значит, я не могу спрятаться.

— Вы... вы отец моего мужа...

— Именно поэтому я даю выбор. Сутки. Завтра в семь ты либо приезжаешь в мой загородный дом, либо ищешь пять миллионов в другом месте.

Он кладёт на стол визитку — чёрный картон, ни имени, ни фамилии, только адрес.

— Сутки, Света.

Я хватаю визитку, пальцы не слушаются, ноги ватные. Иду к двери, чувствуя его взгляд между лопаток.

— Косте ни слова, — догоняет меня его голос. — Узнает — сделка аннулируется.

Выхожу в коридор, дверь закрывается с мягким щелчком, и я прижимаюсь спиной к холодной стене. Меня трясёт. Перед глазами — лицо мамы, серое, заострившееся, и капельница, отсчитывающая секунды. И его голос: «Своим телом». Три месяца за жизнь матери. Я ещё не знаю, что этот ад окажется совсем не тем, чем кажется сейчас.

До больницы я добираюсь как во сне. Палата встречает запахом лекарств и застарелой беды. Мама спит, лицо восковое, чужое, капельница мерно отсчитывает капли. Я сажусь у кровати и беру её руку — ладонь сухая, горячая, почти невесомая. Врач появляется бесшумно, отводит меня в коридор и говорит быстро, глядя в планшет, не поднимая глаз: тянуть нельзя, месяц, максимум полтора, потом — неоперабельно. Четыре миллиона восемьсот. Почти пять. Роман назвал ровно пять. Знал. Всё знал заранее.

Я возвращаюсь в палату, сажусь у кровати, глажу мамины пальцы, и она открывает глаза — мутные, затуманенные ле-

карствами.

— Светик... — губы еле шевелятся. — Ты здесь.

— Здесь, мам. Всё хорошо.

— Лицо у тебя белое. Что случилось?

— Ничего. Я достану деньги. Тебя прооперируют.

Она качает головой — медленно, с трудом. Сжимает мои пальцы с неожиданной силой, и от этого слабого пожатия у меня слёзы подступают к горлу.

— Не ломай себя, — говорит она тихо, почти шёпотом. — Слышишь? Не ломай. Ради меня — нельзя. Ради кого угодно — нельзя.

— Мам...

— Обещай.

Я киваю, не в силах произнести ни слова. Она закрывает глаза, засыпает, а я сижу и глажу её руку, понимая, что обещание уже нарушила. Ещё там, в кабинете. Когда не швырнула визитку ему в лицо. Когда не хлопнула дверью. Я со-

гласилась. Ещё до звонка. В ту самую секунду, когда поняла — другого пути нет.

Дома пахнет пригоревшей яичницей. Костя сидит на кухне в трусах и растянутой майке, ест прямо со сковороды. Телефон лежит экраном вниз — его вечная привычка, на которую я раньше не обращала внимания, а теперь вдруг замечаю и не могу отвести глаз. Я смотрю на него — небрежного, равнодушного, жующего — и вдруг понимаю: я не помню, когда он смотрел на меня с теплом. Не помню, когда он спросил, как я. Не помню, когда он был мужем, а не соседом по квартире. Я просто существовала рядом с ним, как мебель. А теперь Роман смотрит на меня так, будто видит впервые. И это страшно. Потому что от его взгляда нельзя спрятаться.

— Ну что? — спрашивает он с набитым ртом. — Была у отца?

— Была.

— И что сказал?

— Сказал, что подумает.

Костя замирает с вилкой на полпути ко рту, и в его глазах мелькает странная смесь — страх и жадное, грязное любо-

пытство, которое он не успевает спрятать.

— Подумает — значит «нет», — он усмехается, но усмешка выходит нервной. — Отец просто так деньги не даёт. Ему всегда нужно что-то взамен. Всегда.

Последнее слово он произносит с нажимом, и я вдруг вижу его взгляд — оценивающий, липкий, как будто он прикидывает мою стоимость. Так смотрят на вещь, которую можно выгодно продать. Раньше я не замечала этого. Или не хотела замечать.

— А если потребует меня? — спрашиваю я тихо. — Что тогда?

Пауза. Короткая. Убойная. В его глазах ни тени возмущения, ни капли ревности — только быстрый, холодный расчёт, который он тут же прячет за кривой ухмылкой.

— Глупости. Ты не в его вкусе. Расслабься.

Я выхожу из кухни, иду в ванную, включаю воду и сажусь на край. Меня трясёт. Он знал. Костя знал, что отец может потребовать. Знал — и отправил меня туда. Знал — и теперь сидит на кухне, жрёт яичницу и ждёт, согласилась я или нет. Мой муж. Человек, с которым я прожила годы. Я смотрю в

зеркало, и оттуда смотрит женщина, которую я больше не узнаю. В глазах что-то новое — жёсткое, отчаянное, незнакомое. То, что рождается, когда тебя предаёт самый близкий.

Я достаю телефон, набираю номер, прижимаю трубку к уху. Гудок. Второй. Вода шумит, заглушая голос.

— Я согласна.

Тишина. Потом короткий смешок — сухой, довольный.

— Завтра в семь. Не опаздывай.

Гудки.

Я сижу в ванной, вода всё шумит, телефон в руке нагрелся и потух. Завтра в семь. Завтра начнётся другая жизнь. Страшная, унизительная, немыслимая. Но где-то на самом дне ужаса, в тугом узле под рёбрами, пульсирует что-то ещё — то, чему я пока не могу подобрать имени. Что-то тёмное, запретное, от чего я отказываюсь думать. Я ложусь спать в гостиной, на диване. Костя не спрашивает почему. Ему всё равно. Лишь бы деньги были.

Утро наступает слишком быстро. Семь часов вечера приближаются с каждым ударом сердца.

Глава 2

Такси останавливается у высоких кованых ворот. Я расплачиваюсь, выхожу, и машина исчезает за поворотом, оставляя меня одну перед каменным забором, за которым не видно ничего. Только верхушки сосен и серая громада дома. Ворота открываются бесшумно, сами собой.

Я стою на крыльце, и внутри всё кричит: беги. Но я вижу мамино лицо. Серое. Заострившееся. Слышу голос врача: «месяц, максимум полтора». И я делаю шаг. Ради неё. Только ради неё. Это не я. Это не моё тело, которое сейчас будут трогать, использовать, брать. Это просто инструмент. Инструмент для спасения мамы. Если я буду думать об этом — я сломаюсь. Поэтому я не буду думать.

Я делаю шаг вперёд. Гравий хрустит под ногами. Воздух пахнет хвоей и чем-то сладким — цветами, которых я не вижу. Дом вырастает передо мной огромный, приземистый, с тёмными окнами, в которых отражается закат. Крыльцо из серого камня. Дверь чёрная, тяжёлая, без ручки — только медная панель с кнопкой звонка.

Я не успеваю нажать. Дверь открывается сама.

Роман стоит в проёме. На нём тёмная рубашка с закатанными до локтей рукавами. Сильные предплечья, золотые часы, тот самый терпкий парфюм, который я запомнила ещё в кабинете. Он смотрит на меня сверху вниз — оценивающе, неторопливо, как на вещь, которую только что доставили по заказу.

— Пунктуальность ценится, — говорит он вместо приветствия. — Проходи.

Я переступаю порог, и меня накрывает запахом дома — дерево, кожа, лёгкая горчинка табака, едва уловимый аромат воска. Холл огромный, с высоким потолком, с лестницей, уходящей наверх в полумрак. Свет приглушённый, тёплый. Ни одной лишней вещи. Только на консоли у стены — фарфоровая статуэтка балерины, хрупкая, застывшая в неестественном изгибе. Я задерживаю на ней взгляд, сама не зная почему.

— Сними обувь, — говорит Роман. — Здесь ходят босиком.

Я наклоняюсь, расстёгиваю ремешки босоножек. Пальцы дрожат, пряжка не поддаётся. Он стоит рядом и смотрит. Не помогает. Просто ждёт. Когда я наконец выпрямляюсь,

оставшись босиком на холодном каменном полу, он удовлетворённо кивает.

— Иди за мной.

Мы проходим через гостиную — огромную, с камином, с кожаными креслами, с тёмными книжными шкафами до потолка. Останавливаемся у низкого столика, на котором лежит чёрная папка. Роман поворачивается ко мне, скрещивает руки на груди.

— Правила. Первое: ты живёшь здесь всё это время. Второе: ты делаешь то, что я говорю. Третье: ты не задаёшь вопросов. Четвёртое: о том, что происходит в этом доме, не знает никто. Ни твой муж, ни подруги, ни мать. Нарушишь любое — договор расторгается. Деньги за операцию я уже перевёл. Но я могу их отозвать. Ты поняла?

— Поняла, — голос звучит глухо.

— Хорошо. Теперь разденься.

Я застываю. Он стоит напротив, руки скрещены на груди, взгляд спокойный, деловой. Ни тени смущения. Ни капли поспешности. Просто ждёт.

— Здесь? Сейчас?

— Ты будешь переспрашивать каждый раз? Быстро. Всё снимай.

Пальцы сами тянутся к пуговицам блузки. Я расстёгиваю их одну за другой, чувствуя, как горят щёки. Блузка падает на пол. За ней — юбка. Бельё простое, хлопковое, стыдное в своей обыденности. Я стою перед ним почти голая, прикрывая грудь руками, и ненавижу себя за эту дрожь, за этот стыд, за то, что не могу поднять глаза.

— Убери руки, — командует он. — Я должен видеть товар. Всё. Полностью.

Я медленно опускаю руки, расстёгиваю лифчик, снимаю трусы. Остаюсь голой посреди чужой гостиной. Роман обходит меня по кругу — не спеша, разглядывая каждый изгиб, каждую складку. Его взгляд пристальный, он проникает под кожу, выворачивает наизнанку.

— Бёдра широковаты, — комментирует он, останавливаясь за спиной. — Талия мягкая. Но грудь хороша. Очень хороша. Повернись.

Я поворачиваюсь. Он берёт меня за подбородок, приподн-

нимает лицо. Смотрит в глаза — долго, изучающе.

— Страх в глазах. Это неплохо. Страх возбуждает. Но со временем он уйдёт. И тогда мы посмотрим, что останется.

Отпускает. Отходит к столику, открывает папку, достаёт бумаги.

— Сейчас придёт Вадим. Мой друг, бывший военный врач. Он осмотрит тебя. Это обязательное условие. Я не подпускаю к себе тех, кто может быть нездоров. Ты ведь понимаешь?

— Понимаю, — шёпотом.

— Стой, где стоишь. Не прикрывайся.

Звонок в дверь раздаётся ровно через минуту, будто Вадим ждал сигнала за дверью. Роман идёт открывать, а я остаюсь стоять посреди гостиной — голая, дрожащая, не смеющая пошевелиться. Слышу шаги — двое возвращаются. Когда Вадим входит в комнату, я забываю, как дышать.

Он высокий, сухой, с резкими чертами лица и глубокими складками у рта. Взгляд — колючий, уставший, всё повидавший. Одет просто: тёмные брюки, светлая рубашка. В руках

небольшой чемоданчик. Он смотрит на меня без удивления, без похоти, без интереса — как на медицинскую карту, которую нужно заполнить и отложить. В его взгляде нет мужского голода. Только холодная, профессиональная точность. Врач, который знает своё дело. И это почти хуже, чем похоть. Потому что он не видит во мне женщину. Он видит объект. И это унижает сильнее.

— Это она? — спрашивает у Романа.

— Да.

— Встань ровно. Руки по швам. Ноги на ширине плеч. Не двигаться.

Я подчиняюсь. Вадим открывает чемоданчик, достаёт перчатки, фонендоскоп. Подходит ближе. От него пахнет спиртом и холодом. Пальцы в латексе касаются шеи, ключиц, груди. Он слушает сердце, лёгкие — движения точные, профессиональные, ни одного лишнего прикосновения.

— На диван. Ложись на спину. Ноги согни в коленях и разведи. Шире. Ещё шире.

Я ложусь. Кожаная обивка холодит спину. Вадим садится на край дивана. Осмотр — быстрый, унизительный, без еди-

ного слова. Холодный металл внутри меня. Я зажмуриваюсь, вжимаюсь в диван. Слышу, как он говорит Роману — «здорова, чистая, отклонений нет». Слова падают, как приговор.

Он стягивает перчатки, бросает их в чемоданчик. Поворачивается к Роману.

— Годная. Можешь пользоваться.

— Останешься?

— Да. Посмотрю.

Вадим садится в кресло у камина. Закидывает ногу на ногу. Достаёт серебряный портсигар, щёлкает крышкой. Его руки — с длинными пальцами, с выступающими венами, со старым шрамом на тыльной стороне левой ладони. Я замечаю этот шрам краем глаза и запоминаю его. Почему-то он кажется важным. Потом я буду думать о том, что он пережил.

— Встань, — командует Роман.

Я встаю. Он подходит ближе. Воздух сгущается.

— Главное правило ты усвоила — подчиняться. Теперь второе: в этом доме твоё тело принадлежит мне. Полностью.

Ты не говоришь «нет». Ты не говоришь «хватит». Если я хочу — я беру. И мои друзья тоже. Ты поняла?

— Да, — выдыхаю я.

— На четвереньки. Лицом к камину.

Я опускаюсь на ковёр. Колени утопают в мягком ворсе. Руки вытянуты перед собой. Спина прогнута. Слышу, как открывается дверь. Ещё одни шаги. Я не вижу, кто вошёл, но чувствую — третий.

— Олег, — говорит Роман. — Проходи. Она готова.

Олег выходит из полумрака. Высокий, с сединой в тёмных волосах, с длинными пальцами. Он смотрит на меня иначе, чем Вадим. В его взгляде — не холод, не похоть. Любопытство. Художник, который рассматривает натуру. И это странно. Это почти нежно. Почти как будто он видит во мне красоту, а не просто тело.

Он расстёгивает брюки на ходу. Его член длинный, изогнутый, с выступающей веной. Он встаёт передо мной, берёт за подбородок.

— Рот открой. Шире. Язык убери.

Я открываю. Он входит резко, глубоко, до самого горла. Я давлюсь, слёзы брызгают, но он держит за волосы и не отпускает.

— Глотай. Носом в живот. Не отстраняться.

Сзади подходит Роман. Я чувствую его ладони на своих ягодицах. Чувствую, как головка упирается во вход. Я уже мокрая. Тело предало меня ещё до того, как он начал. Ненавижу себя за это. Ненавижу, что влага собирается там, где его пальцы. Ненавижу, что не могу это остановить. Тело живёт своей жизнью. Тело предаёт меня. И я не знаю, что хуже — унижение или то, что моё тело отвечает на унижение.

Он входит одним резким толчком — глубоко, до самого основания. Я вскрикиваю, но звук тонет в теле Олега.

— Молчать, — рычит Роман. — Принимай.

Он двигается жёстко, размеренно, вбивая меня вперёд на член Олега. Я зажата между ними. Один во рту, второй во влагалище. Синхронно. Глубоко.

Сбоку подходит Вадим. Я слышу звук расстёгиваемой молнии. Он берёт мою правую руку и кладёт на свой член —

толстый, горячий, с массивной головкой.

— Ласкай. Быстро. Не останавливайся.

Мои пальцы сжимаются на его плоти. Он кладёт свою ладонь поверх моей, задаёт ритм. Быстрый. Требовательный. Я двигаю рукой, как он хочет, пока двое других берут меня с двух сторон.

Трое. Олег — в рот, до горла, до рвотных позывов. Роман — во влагалище, глубоко, жёстко, заполняя до краёв. Вадим — в моей руке, твёрдый, горячий, пульсирующий. Я не могу дышать. Не могу думать. Только тело. Только боль. Только унижение.

— Быстрее рукой, — командует Вадим. — Крепче сжимай. Да, вот так.

— Глотай глубже, — вторит Олег. — До конца. Чтобы носом в живот.

— Принимай, — рычит Роман, ускоряясь. — Всю. До капли.

Моё тело предаёт окончательно. Я чувствую, как внутри всё сжимается. Как подступает что-то огромное, неконтро-

лируемое. Слёзы и слюна текут по лицу. Но между ног — влажно. Горячо. Пульсирует.

— Она течёт, — комментирует Вадим. — Смотри. По ляжкам.

— Вижу, — хрипит Роман. — Ей нравится.

— Кончай, — приказывает Олег. — Кончай на наших членах. Сейчас.

И я взрываюсь. Оргазм накатывает волной — неистовой, всепоглощающей, выбивающей воздух. Я кричу, сжимаясь вокруг Романа, захлёбываясь Олегом, до крови кусая губы. Меня трясёт. Колотит. Я теряю себя.

Олег кончает первым — мне в рот, с глухим стоном. Я глотаю, давлюсь, но справляюсь. Роман следом — во влагалище, входя до предела, заполняя горячим. Вадим последним — мне в ладонь, густыми толчками.

Я падаю на ковёр. Голая. Использованная. Дрожащая. По ляжкам течёт семя. По подбородку — слюна. По пальцам — липкое, тёплое. Я не могу пошевелиться. Не могу открыть глаза.

Тишина. Потрескивают дрова в камине. Мужчины застёгивают брюки. Слышу, как наливают вино, как звенит стекло. Роман приседает рядом, берёт меня за подбородок.

— Смотри на меня.

Я открываю глаза. Его лицо — спокойное, удовлетворённое.

— Ты справилась. Лучше, чем я ожидал.

Он выпрямляется, берёт со столика чёрную папку. Протягивает мне. Внутри — договор с клиникой. Счёт оплачен. Четыре миллиона восемьсот тысяч. Его подпись уже стоит. Моей нет.

— А теперь — иди наверх. В ванную. Приведи себя в порядок. Через двадцать минут ужин.

Я встаю. Ноги не держат. Иду к лестнице. На полпути слышу голос Вадима:

— Она кончила. Тело отзывается. Хороший знак.

И ответ Романа:

— Я знал. Я всегда знаю, кого выбираю.

Я поднимаюсь по лестнице, держась за перила. Ванная встречает белым кафелем. Смотрю в зеркало — растрёпанная, с размазанной тушью, со следами чужой страсти на коже. Включаю воду, забираюсь под горячие струи. Стою долго, пока не перестаю дрожать.

Вода смывает их запах. Но не смывает то, что я почувствовала. Костя не смотрел на меня так годами. Костя не трогал меня так никогда. Он просто брал. А эти трое — они видели. Каждый сантиметр. Каждый изгиб. Они смотрели так, будто я — ценность. Будто я — не пустое место. И я ненавижу себя за то, что это мне нравится. Что я хочу, чтобы они смотрели снова. Что я боюсь этого желания больше, чем боли.

Потом вытираюсь, нахожу халат и спускаюсь вниз.

Они ждут в столовой. Роман во главе стола. Вадим справа. Олег слева. Я сажусь на указанное место. На тарелке — мясо с овощами. Вино в бокале — тёмное, густое.

— Ешь, — говорит Роман. — Тебе понадобятся силы. Завтра продолжим.

Я беру вилку. Руки дрожат, но я ем. И где-то глубоко внут-

ри, под слоями стыда и ужаса, уже пульсирует то самое тёмное предвкушение.

Завтра продолжим. Я боюсь не того, что он позовёт. Я боюсь, что снова приду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.